
АЛЁНА МЭЙ
ИЗМЕНА
Садовая, 7

Алёна Мэй

Измена. Садовая, 7

https://litres.ru/74754008
SelfPub; 2026

Аннотация

- Мама спит, - сказала она тихо. - Я её зову, а она не встаёт.

- Где она спит?

— Там. — Соня показала пальцем на дверь ванной комнаты.

Я выпрямилась. Ноги стали ватными, в висках застучало.

Я думала, что знаю своего мужа. Одиннадцать лет я варила ему борщ, гладила рубашки, растила сына и верила, что мы — одна семья. Я не проверяла его телефон. Не задавала лишних вопросов. Потому что доверяла. Потому что «у нас всё нормально».

Пока не нашла в бардачке его машины квитанцию из детской поликлиники. Адрес: улица Садовая, 7. Корнеева Соня Дмитриевна, четыре года.

У моего мужа есть дочь, другая женщина, другая жизнь.

И теперь я смотрю на него и пытаюсь понять: как человек, который целовал меня перед сном, который носил нашего сына на плечах, который клялся мне в верности, мог годами жить на два дома? Как он мог праздновать дни рождения ребёнка, о котором я даже не знала? Как он мог возвращаться от неё и ложиться в нашу постель, будто ничего не случилось?

Содержание

глава 1. Квитанция	4
Глава 2. Вера	26
Глава 3. После удара	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алёна Мэй
Измена. Садовая, 7

глава 1. Квитанция

Я нашла её случайно.

В бардачке его машины, среди мятых чеков за бензин, просроченной страховки и двух леденцов, которые Егор не доел ещё в прошлую субботу. Я не искала. Я вообще никогда не искала — ни улик, ни подтверждений, ни поводов для ревности.

Мужчины, которые изменяют, пахнут чужими духами, задерживаются на работе до полуночи и прячут телефон экраном вниз. Мой муж не делал ничего из этого.

Дмитрий Корнеев. Дёма. Одиннадцать лет брака. Восемь из них — родители. Три года назад выплатили ипотеку за трёшку в спальном районе. Он владелец небольшой строительной фирмы, я — главный бухгалтер в чужой. Общий счёт, общие друзья, общие планы. Летом — на море, через

пару лет — поменять машину, через пять — расширять бизнес. Егору тогда будет тринадцать — сложный возраст, переходный, надо будет держать руку на пульсе. Потом институт. Потом, может быть, второй ребёнок — мы иногда говорили об этом, но как-то не всерьёз, вскользь. Всё было ровно, спокойно, предсказуемо.

Нормальная семья. Нормальная жизнь.

И вот теперь я стояла на парковке у супермаркета, прижимала плечом трубку — Дёма просил найти техпаспорт, чтобы продиктовать VIN для записи в сервис, — и смотрела на сложенный вчетверо листок.

Гербовая бумага. Штамп. Детская городская поликлиника №14.

Я развернула его. Пробежала глазами строчки — сначала не понимая, потом не веря, потом забыв, как дышать.

Пациент: Корнеева София Дмитриевна.

Дата рождения: 12 июня.

Четыре года.

— Аня? Ты там уснула? VIN под капотом, на стойке, — голос Дёмы в трубке был будничным, слегка раздражённым. — Сфоткай и пришли.

— Да, — сказала я. — Сейчас.

Я сфотографировала техпаспорт. Отправила. Положила трубку.

А потом села в машину, закрыла дверь и развернула квитанцию ещё раз.

Корнеева София Дмитриевна.

Четыре года.

Корнеева. Наша фамилия. Дмитриевна. Его отчество.

У моего мужа есть дочь.

До дома я доехала на автопилоте. Заглушила двигатель, положила руки на руль и уставилась в лобовое стекло. По нему ползли капли — начался дождь, мелкий, противный, ноябрьский. Дворники были выключены. Я смотрела сквозь

водяную рябь на наш подъезд, на окна третьего этажа, на жёлтый свет в кухне.

Там Егор. Сделал уроки, теперь, наверное, играет в приставку. Няня — соседка с пятого этажа, тётя Рая, — гремит кастрюлями, разогревает ужин. Нормальный вечер. Нормальная семья.

Я достала квитанцию и посмотрела на адрес.

Улица Садовая, дом семь, квартира сорок два.

Садовая, 7.

Я знала этот район. Окраина. Панельные девятиэтажки, ржавые карусели во дворах, продуктовый «Пятёрочка» и аптека на углу. Мы никогда не жили там. У нас не было там друзей. Дёма никогда не говорил: «Заеду на Садовую». Никогда.

Я открыла телефон. Зашла в банковское приложение. Общий счёт. Выписка за последний месяц.

Съём квартиры — двадцать пять тысяч. Эту строчку я видела каждый месяц. Дёма говорил: «Для прораба снимаю, иногородний, жильё за счёт фирмы». Я кивала. Прораб —

значит прораб.

Теперь я смотрела на эту цифру иначе.

Двадцать пять тысяч. Садовая, 7. Квартира сорок два.

Я перелистнула выписку на месяц назад. Та же сумма. На два месяца. На три. На полгода. Год. Два.

Четыре года.

Четыре года мой муж снимает квартиру на Садовой. Четыре года он переводит деньги — не за прораба. За женщину, которая родила ему дочь.

Я отключила телефон и положила его на пассажирское сиденье экраном вниз. Раньше я никогда так не делала. Теперь — сделала. Жест, которому я научилась за одну секунду.

Дождь усилился. Капли лупили по крыше, как дробь. Я сидела и смотрела на жёлтый свет в нашем окне. Там, на третьем этаже, текла нормальная жизнь. Та, в которую я верила ещё час назад.

Я не плакала. Слёзы пришли позже — ночью, в ванной, когда Дёма уснёт, и я включу воду, чтобы заглушить звук.

А пока — пустота. Глухая, звонкая, как колокол, в который ударили один раз и теперь слушают, как затихает эхо.

София. Соня. Четыре года.

Июнь. Четыре года назад, в июне, мы с Дёмой ездили в Турцию. Вдвоём. Егор был у моей мамы. Мы гуляли по набережной, ели мороженое, фотографировались на фоне заката. Он говорил: «Я счастлив, что у нас всё так». И я верила.

А в это время — или чуть позже, или чуть раньше — другая женщина рожала ему дочь.

Я вышла из машины. Поднялась на третий этаж. Открыла дверь. В прихожей пахло борщом. Тётя Рая выглянула из кухни, вытирая руки полотенцем:

— Анечка, вы вовремя. Я Егорку покормила, он в комнате.

— Спасибо, тёть Рай.

Я сняла пальто. Повесила на крючок. Прошла в кухню. Всё как обычно. Чисто, тепло, уютно. На столе — тарелка с

борщом, накрытая второй тарелкой, чтобы не остыл. Хлеб в плетёной корзинке. Соль в глиняной солонке, которую Егор слепил в садике.

Я села. Взяла ложку. Поднесла ко рту — и опустила обратно. Не могла. Борщ пах как обычно — вкусно, по-домашнему. Но я не могла заставить себя проглотить ни капли. Будто вместе с квитанцией из бардачка я проглотила что-то острое, и теперь оно застряло в горле.

В кармане завибрировал телефон. Дёма.

— Ань, привет. Слушай, я буду поздно. Объект на Парковой горит, заказчик смету не утвердил, будем пересогласовывать. Раньше одиннадцати не жди.

— Хорошо.

— Ты как? Голос уставший.

— Нормально. Просто день длинный.

— Егора поцелуй. Люблю.

— Я тоже.

Я нажала «отбой» и уставилась на погасший экран.

«Люблю». Он сказал это тем же тоном, что и всегда. Таким же, как вчера. Как месяц назад. Как год. Как одиннадцать лет.

Я попыталась вспомнить: были ли за эти годы моменты, когда он запинался? Когда его «люблю» звучало иначе — виновато, глухо, напряжённо? Нет. Ни одного. Он говорил это легко, свободно, с той интонацией, с какой говорят «спокойной ночи» или «хлеб купи».

Потому что для него это и было — «спокойной ночи». Привычка. Ритуал. Часть нормальной жизни.

Которая у него была. В двух экземплярах.

Ночью он вернулся около двенадцати. Я лежала в спальне, уткнувшись в телефон, делая вид, что читаю новости. Он заглянул в дверь, усталый, в расстёгнутой рубашке, с пятном краски на рукаве.

— Не спишь?

— Не сплю.

— Объект — полная задница. Заказчик мудак. Смету пересогласовывали три часа.

Он прошёл в ванную. Я слышала, как льётся вода, как он чистит зубы, как открывается шкафчик с полотенцами. Звуки, которые я слышала тысячи раз. Которые означали: всё в порядке. Муж дома. День закончен. Можно спать.

Теперь они означали другое: он пришёл от неё. Или оттуда. Или после разговора с ней по телефону.

Он лёг рядом. Поцеловал меня в плечо — быстро, машинально. Повернулся на бок. Через пять минут задышал ровно, глубоко. Уснул.

Я лежала и смотрела в потолок.

Когда ты узнаёшь об измене, тебе кажется, что земля уходит из-под ног. Что мир должен рухнуть сразу — с грохотом, с криком, с битьём посуды. Но в реальности ничего не рушится. Просто ты лежишь в темноте, слушаешь дыхание спящего мужа и понимаешь: этот человек тебе не принадлежит. И никогда не принадлежал.

Я встала. Прошла в ванную. Включила воду — просто так, для звука. Села на край ванны, закрыла лицо руками и заплакала. Беззвучно. Уткнувшись в полотенце. Чтобы не разбудить Егора. Чтобы не разбудить Дёму. Чтобы никто не услышал.

Я плакала не о нём. Я плакала о себе — о той Анне Корнеевой, которая ещё вчера утром варила кофе, собирала сына в школу и думала, что у неё всё нормально.

Утром я проснулась раньше будильника.

Дёма ещё спал — раскинувшись на своей половине кровати, зарывшись лицом в подушку. Я смотрела на его затылок, на тёмные волосы, тронутые первой сединой, на родинку за ухом, которую знала наизусть. Чужой человек. Он спал рядом, и он был чужим.

Я встала. Сварила кофе. Разбудила Егора.

— Мам, а папа дома?

— Дома. Спит.

— А он меня в школу отвезёт?

— Сегодня я отвезу.

Егор нахмурился — он любил, когда везёт отец. В машине у них была игра: угадать, какая песня заиграет на радио следующей. Я в эту игру не умела.

— Папа вчера поздно пришёл? — спросил Егор, натягивая рюкзак.

— Да. У него объект горел.

— Опять горит, — вздохнул сын. — У папы всегда всё горит.

Я замерла с его курткой в руках. Ребёнок повторил то, что слышал от меня годами. «У папы работа горит». «У папы объект». «Папа занят, папа устал, папа поздно придёт». Я сама научила его этому — оправдывать отца. Объяснять его отсутствие. Делать вид, что это нормально.

И это было нормально. Потому что у папы горел не объект. У папы горела вторая семья.

— Сегодня я тебя отвезу, — повторила я. — И поиграем

в твою игру.

— Ты не угадаешь.

— А я попробую.

В машине Егор включил радио. Первой заиграла какая-то попса. Я не угадала. Он засмеялся — звонко, по-детски, и на секунду мне стало легче. Только на секунду.

Около школы он выскочил из машины, помахал рукой и побежал к воротам. Я смотрела ему вслед. Восемь лет. Худой, угловатый, с тёмными волосами и отцовскими глазами.

Глазами, которые теперь напоминали мне не только о любви. Но и о лжи.

Днём я отпросилась с работы. Соврала что-то про самочувствие. Села в машину и поехала.

Садовая, 7.

Навигатор вёл меня через весь город — от центра к окраине, от новостроек к панелькам, от гладких дорог к разби-

тому асфальту. Я не знала этого района. Никогда здесь не была. И теперь думала: а он знает. Он ездит здесь каждую неделю. Каждую среду, каждую пятницу, каждый грёбаный «горящий объект».

Дом семь оказался девятиэтажкой серого кирпича. Облупившийся фасад, кривые почтовые ящики в подъезде, на двери — домофон с оторванной кнопкой. Во дворе — ржавая карусель и покосившаяся лавочка, на которой сидели две старухи.

Я припарковалась в тени старого тополя. Заглушила двигатель. И стала ждать.

Я не знала, кого жду. Я не знала, как она выглядит. Я не знала, что скажу, когда увижу. Но я знала: я должна увидеть. Должна убедиться, что квитанция — не ошибка. Что София Дмитриевна Корнеева существует. Что это не бред, не сон, не чужая бумажка, залетевшая в бардачок случайно.

Прошёл час. Полтора.

Я уже хотела уезжать — и тут подъехала машина.

Чёрный седан. Его машина.

Дёма вышел из-за руля. В джинсах и свитере — не в рабочем костюме, в котором утром уходил на объект. Он обошёл машину, открыл заднюю дверь. И достал из детского кресла ребёнка.

Девочку. Маленькую, светленькую, в розовой курточке и смешной шапке с помпоном. Она обхватила его за шею ручками и засмеялась. Он поцеловал её в щёку.

Из подъезда вышла женщина. Невысокая, простая, в домашней вязаной кофте и джинсах. Светлые волосы собраны в хвост. Никакой косметики. Уставшее, но счастливое лицо.

Она подошла к Дёме. Он наклонился и поцеловал её. В губы. Коротко, буднично, привычно.

Она поправила девочке шапку. Что-то сказала — я не слышала слов, но видела, как она улыбается. Как она смотрит на него. Как она смотрит на ребёнка.

Семья.

Настоящая. Живая. Вторая.

Я сидела в машине и смотрела на них. На мужа, которого знала одиннадцать лет. На женщину, которую не знала вооб-

ще. На девочку с его отчеством и его фамилией.

Они постояли ещё минуту. Потом Дёма сел обратно в машину и уехал. Женщина с девочкой вошли в подъезд.

А я осталась.

В зеркале заднего вида отражалась серость ноября: голые ветки, облезлый фасад, ржавая карусель. Где-то на четвёртом этаже зажёгся свет. Квартира сорок два.

Я сидела и смотрела на это окно, пока не стемнело.

Вечером Дёма пришёл домой в половине десятого. Уставший, голодный, с рабочим портфелем и пятном краски на рукаве.

— Аня, ты чего такая? — спросил он, проходя на кухню.

Я стояла у стола. Передо мной лежала квитанция.

— Сядь.

— Что случилось? — он повесил пиджак на спинку стула,

потянулся к холодильнику.

— Сядь, Дёма.

Что-то в моём голосе заставило его замереть. Он повернулся. Посмотрел на меня. Потом на листок, лежащий на столе.

— Что это?

— Квитанция из детской поликлиники. Я нашла её в твоей машине. Прочитай.

Он не сел. Он стоял и смотрел на бумагу, и лицо его менялось — медленно, слой за слоем, как осыпается штукатурка.

— Аня...

— Прочитай, — повторила я.

Он молчал.

— Там написано: Корнеева София Дмитриевна, четыре года. Адрес: Садовая, семь. Это твоя дочь, Дима? Это твой второй ребёнок?

Тишина. Только холодильник гудит.

— Ты был там сегодня. Я видела. Я сидела в машине и смотрела, как ты целуешь её. И девочку. У неё твои глаза, знаешь? У Сони твои глаза.

Он опустился на стул. Закрыл лицо руками.

— Аня...

— Как её зовут? Женщину. Ту, которая живёт на Садовой.

— Вера, — глухо сказал он.

— Вера, — повторила я. — Красивое имя. Она знает обо мне?

Молчание. Потом он поднял голову. Глаза красные, взгляд тяжёлый.

— Знает.

— Что именно она знает?

— Что я женат. Что у меня есть сын.

Я медленно опустилась на стул напротив.

— И она... согласилась на это? Ждать тебя? Четыре года?

Дёма отвёл глаза.

— Я сказал ей, что мы с тобой давно чужие. Что живём вместе только ради Егора. Что развод — вопрос времени. Она поверила.

Я смотрела на него и не могла понять: как этот человек — вот этот самый, с уставшим лицом и пятном краски на рукаве — мог годами кормить двух женщин одной и той же ложью? Мне говорил: «Объект горит, задерживаюсь». Ей говорил: «Жена не отпускает, надо подождать». И обе ждали. И обе верили.

— Ты понимаешь, что ты сделал? — спросила я тихо. — Ты украл у неё четыре года. Ты заставил её родить ребёнка, пообещав семью, которой у неё никогда не было. Ты заставил её сидеть в съёмной двушке на окраине и ждать, пока ты соберёшься с духом. А она ждала. Четыре года ждала.

— Я люблю её, — сказал он глухо.

— А меня?

— И тебя.

Я рассмеялась. Честное слово — я рассмеялась. Это был смех не от радости. От шока. От абсурда. От того, что всё оказалось ещё хуже, чем я думала.

— Ты любишь нас обеих. Двух женщин, двоих детей, две квартиры, две параллельные жизни. И в каждой ты — «настоящий». Герой. Спаситель. Только вот незадача, Дима: настоящий человек не может быть настоящим в двух экземплярах. Где-то ты всё-таки подделка.

Он молчал. Плечи опущены, руки безвольно лежат на коленях. Большой, сильный, властный мужчина — раздавленный, жалкий, потерянный.

— Ты снимал квартиру на наши деньги, — продолжила я. — Двадцать пять тысяч в месяц. Четыре года. Ты вычёркивал их из нашего бюджета под «прораба». Ты врал мне в глаза каждый день. Ты целовал меня, зная, что у тебя есть другая дочь. Ты праздновал её день рождения — и возвращался домой, будто ничего не было.

— Я не знал, как выйти из этого, — прошептал он.

— А ты и не пытался. Тебе было удобно. Два дома, две женщины, два ребёнка. Никакого выбора. Никакой ответственности. Просто скользил между нами, как бильярдный шар между лузами.

Я встала. Прошла в спальню. Достала с полки его подушку, его одеяло, его пижаму. Вернулась и положила стопку перед ним.

— Сегодня ты спишь в гостиной. Завтра — уходишь. Я не знаю куда. На Садовую, к Вере. В машину. К чёрту на рога. Но здесь ты больше не живёшь.

— Аня...

— Ты слышал меня.

— А Егор?

Я замерла. Егор. Восемь лет. Школа, продлёнка, игра в угадайку по радио. Мальчик, который до вчерашнего дня верил, что папа — самый сильный, самый честный, самый лучший. Мальчик, которому завтра я должна буду что-то объяснить.

— Егору ты скажешь сам, — ответила я. — Не сегодня. Но

скоро. Ты скажешь ему, что уезжаешь. Что мы с тобой решили пожить отдельно. Я не знаю, что именно ты скажешь. Но ты скажешь так, чтобы он не подумал, что отец его бросил.

— Я не брошу его.

— Как Веру? Как Соню? Как меня? Ты никого не бросаешь, Дима. Ты просто ни с кем не остаёшься до конца.

Он встал. Взял подушку и одеяло. Пошёл к двери. У порога обернулся.

— Я не хотел, чтобы так вышло.

— Никто не хочет. Но у всех выходит.

Я закрыла за ним дверь. Привалилась к ней спиной и сползла на пол. В соседней комнате спал Егор. В гостиной — сидел человек, которого я больше не знала.

Я обхватила колени руками и долго сидела так — без мыслей, без слёз, без надежды.

Пока за окном не забрезжил серый ноябрьский рассвет.

Глава 2. Вера

Утром я не смогла пойти на работу.

Позвонила, соврала про отравление — голос был такой, что поверили сразу. Егор ушёл в школу с тётей Раей, Дёма — ещё час назад, молча, с чемоданом. Я слышала, как хлопнула входная дверь, как затихли шаги на лестнице. И стало тихо.

Я сидела на кухне и смотрела на квитанцию. Она лежала там же, где вчера, — на краю стола, придавленная солонкой, которую Егор слепил в садике. Глиняный бочонок с кривой буквой «С» на боку. Он хотел написать «соль», но не поместилось.

Корнеева София Дмитриевна. Четыре года.

Я перевернула квитанцию. На обороте — расписание приёма участкового педиатра: вторник, четверг, суббота. Вторник и четверг — дни, когда Дёма обычно задерживался на объектах. Суббота — день, когда он «ездил по поставщикам».

Господи, как я могла не замечать? Как можно было одиннадцать лет спать с человеком, есть с ним за одним столом, растить сына — и не знать, что у него есть другая дочь?

Я скомкала квитанцию. Потом расправила. Снова скомкала.

Встала. Надела пальто. Взяла ключи от машины.

Дорога до Садовой заняла сорок минут. На этот раз я не пряталась за тополем. Припарковалась прямо у подъезда — кажется, на том самом месте, где вчера стоял его чёрный седан. Вышла. Огляделась.

Двор был пуст. Ржавая карусель скрипела на ветру, покосившаяся лавочка мокла под мелким дождём. На детской площадке — никого. Только голуби копошились в луже.

Я вошла в подъезд. Домофон не работал. На стене — граффити, на полу — окурки. Лифт не работал. Четвёртый этаж пешком.

На площадке перед квартирой сорок два стоял детский велосипед. Розовый, с белыми колёсами и кисточками на руле.

Я замерла. Четыре года. Девочка четырёх лет катается на таком. Её дочь. Его дочь. Их дочь.

Я позвонила.

За дверью — шаги. Быстрые, лёгкие.

— Кто там? — детский голос.

— Это к маме, — сказала я. — Позови её, пожалуйста.

— Ма-ам! Там тётя!

Шаги взрослые. Дверь открылась.

Она была такая, как вчера. Светлые волосы собраны в хвост, домашняя футболка, джинсы. На плече — пятно от муки. Из-за её ноги выглядывала девочка — та самая, с помпоном на шапке. Теперь без шапки: светлые кудряшки, две косички, глаза — его. Тёмные, глубокие, корнеевские.

— Вы Анна, — сказала она.

Это был не вопрос.

— Да.

— Проходите.

Квартира была съёмной. Это чувствовалось сразу — по чужой мебели, по выцветшим обоям, по запаху старого линолеума. Коридор, кухня, две комнаты. В углу прихожей — коробка с игрушками. На вешалке — его куртка. Старая, серая, с потёртым воротником. Я помнила, как покупала её ему три года назад в торговом центре — выбирала долго, примеряла, спорила с ним о размере. Он носил её здесь. В этом доме. С этой женщиной.

— Чай? Кофе? — спросила Вера.

— Не надо.

— Тогда проходите на кухню.

Девочка — Соня — всё ещё выглядывала из-за её ноги.

— Это тётя, — сказала Вера ей. — Иди пока поиграй, маленькая.

— Она к папе?

Мы обе замерли. Соня смотрела на меня своими корнеевскими глазами и ждала ответа.

— Папа придёт позже, — сказала Вера. — Иди.

Соня нехотя скрылась в комнате. Мы прошли на кухню.

Кухня была крошечная. Пять квадратов. Старый гарнитур, газовая плита, герань на подоконнике. На холодильнике — магнитики. Дельфин, пальма, Эйфелева башня. Дельфина я узнала сразу. Четыре года назад, Турция. Дёма купил двух одинаковых — одного привёз домой, другого, оказывается, сюда.

Мы сели за стол. Я — напротив женщины, которая родила ребёнка от моего мужа.

— Вы знали, — сказала я. — С самого начала. Что он женат.

— Да.

— Он сказал вам, что брак мёртв. Что мы живём вместе только ради сына. Что спим в разных комнатах. Что развод — вопрос времени.

— Да.

— И вы поверили?

Вера подняла на меня глаза. В них не было вызова. Не было злости. Только усталость — глубокая, застарелая, как хроническая болезнь.

— Я не знаю, верила ли я. Наверное, вначале — да. Он был убедителен. Он приносил цветы. Он говорил, что я — единственное, ради чего он дышит. Что вы для него — пустое место. Обязательство. Привычка. Что он считает дни до развода.

— А потом?

— А потом я забеременела. И что-то изменилось. Он стал реже приезжать. Перестал ночевать. Говорил: «Ещё чуть-чуть, надо решить вопрос с квартирой». Я ждала. Родилась Соня. Он не был на родах — сказал, что в командировке, что не может вырваться, что заказчик требует сдачи объек-

та. Приехал через две недели. С букетом. С извинениями. Держал Соню на руках и плакал. Говорил: «Прости, я всё исправлю». Я простила.

— Командировка, — повторила я.

— Что?

— В это время он был не в командировке. Мы были в Турции. В отпуске. Вдвоём.

Вера посмотрела на меня долгим взглядом. Потом отвела глаза.

— Я догадывалась, — сказала она тихо. — Не про Турцию. Про то, что он не там, где говорит. Он всегда путался в деталях. То говорил, что был в Москве, а через неделю — что в Питере. То рассказывал про объект, который сдали, а потом выяснялось, что его ещё не начинали. Я перестала уточнять. Просто кивала. Так было легче.

Она помолчала.

— Он хороший, когда он рядом. Понимаете? Когда он здесь — он настоящий. Он играет с Соней, он чинит краны, он варит кофе по утрам. И в эти моменты я забываю всё. Всю

ложь. Всех других женщин. Я просто живу. А потом он уходит — и я снова вспоминаю.

— И вы ничего не сказали?

— А что я могла сказать? — Вера покачала головой. — Если бы я начала задавать вопросы, он бы ушёл совсем. А без него мы бы не выжили. Я, Соня — мы полностью от него зависим. Он это знает. Я это знаю. И он пользуется этим.

— Но вы остались.

— А куда мне было идти? — Вера встала, подошла к окну. Спина прямая, плечи напряжены. — У меня ребёнок. Я в декрете. У меня нет своей квартиры, нет работы, нет родителей — они в области, мать болеет, отец пьёт. Я живу на его деньги. Вы думаете, я не понимала, что он врёт? Я всё понимала. Но у меня не было выхода.

Она повернулась. Глаза сухие — выплакала, наверное, давно.

— Вы знали, что он спит со мной? — спросила я.

— Он говорил, что нет. Что вы живёте как соседи.

— Он лгал. Мы спали вместе. Все эти четыре года.

Вера сжала губы. Помолчала.

— Я знаю, — сказала она тихо.

— Что?

— Я знаю, что вы спали вместе. Я чувствовала.

— Как?

— По нему. Когда мужчина спит с женой, это видно. Он по-другому пахнет. По-другому двигается. По-другому смотрит на ребёнка — будто сравнивает. Я замечала это каждый раз, когда он возвращался от вас. Но я ничего не говорила. Потому что если бы я сказала — мне пришлось бы что-то решать. А я не могла. Не с Соней на руках.

Мы замолчали. В комнате играла девочка — слышно было, как она разговаривает с куклами.

— Как вы познакомились? — спросила я.

— В больнице. Я лежала с аппендицитом. Он пришёл к другу, перепутал палату. Зашёл ко мне. Спросил: «Вы не ви-

дели тут Смирнова?» Я сказала: «Нет». Он ушёл. А через час вернулся — с мандаринами.

— И вы влюбились.

— И я влюбилась.

— Он умеет.

— Умеет, — согласилась Вера. — Он вообще много чего умеет. Убеждать. Обещать. Клясться. А потом исчезать. И возвращаться, когда ему удобно.

Я встала. Достала из кармана квитанцию — ту самую, мятую, разглаженную.

— Я нашла это в бардачке его машины. Поэтому я здесь.

Вера посмотрела на бумагу. Кивнула.

— Я думала, вы давно знаете.

— Нет. Я узнала позавчера.

— И что вы будете делать?

— Я его выгнала.

— Он придёт ко мне?

— Не знаю. Он сказал, что не к вам.

Вера усмехнулась.

— Значит, есть кто-то ещё.

— Почему вы так думаете?

— Потому что если мужчина уходит не к жене и не к любовнице, он уходит к третьей. Это закон.

Я посмотрела на неё. Уставшая женщина в старой футболке, с чужим ребёнком на руках, в съёмной двушке на окраине. Она знала. Она всё знала. Но продолжала ждать.

— Вы всё ещё любите его? — спросила я.

— Не знаю, — ответила она. — Я уже не понимаю, где любовь, а где привычка. Где страх одиночества, а где настоящие чувства. Он всё перепутал. Во мне. В вас. В Соне. Он всё перепутал.

Я пошла к выходу. У двери обернулась.

— Если он придёт — позвоните мне. Вот мой номер.

Я положила на тумбочку визитку. Вера посмотрела на неё, потом на меня.

— Зачем вам это?

— Я хочу знать, где он. Не для того, чтобы вернуть. Для того, чтобы понимать.

Вера кивнула. Я вышла.

В подъезде пахло сыростью и табаком. Я спускалась по лестнице и считала ступеньки. Раз, два, три. На восьмой остановилась.

Третья. Если он уходит не к жене и не к любовнице — он уходит к третьей.

Я достала телефон. Открыла его профиль в соцсетях. Фотографии с корпоративов, с объектов, с каких-то банкетов. Я листала их раньше — без интереса, без подозрений. Теперь я вглядывалась в лица. В женщин на заднем плане. В коллег, которые стояли слишком близко. В блондинку с бо-

калом шампанского, которая смотрела на него снизу вверх.

Я увеличила фото. Поставила скриншот.

И поехала домой.

Вечером позвонила Вера.

— Он не пришёл.

— Я поняла.

— Вы были правы. Есть кто-то ещё.

Я сидела на кухне и смотрела на скриншот в телефоне. Блондинка с бокалом. Молодая, яркая, уверенная. Та, которую не прячут. Та, с которой появляются на людях.

— Я найду её, — сказала я.

— А потом что?

— Не знаю. Но я найду.

Я положила трубку. За окном шёл дождь. Где-то на другом конце города мой муж был с другой женщиной. Не со мной. Не с Верой. С третьей.

И я собиралась узнать, кто она.

Глава 3. После удара

Я вернулась с Садовой в первом часу дня. Квартира встретила меня тишиной — Егор был в школе, тётя Рая ушла по своим делам. Я сняла пальто, бросила его на стул в прихожей и прошла в спальню, даже не разувшись.

Шкаф. Его половина.

Я открыла дверцы и долго стояла, разглядывая вещи, развешанные с той аккуратностью, которая всегда меня в нём подкупала. Рубашки — по цветам, от светлых к тёмным. Пиджаки — в чехлах. Джинсы — стопкой, носок к носку. Образцовый порядок. Идеальная картинка. В точности как наша семейная жизнь, которая со стороны выглядела безупречно, а изнутри оказалась трухой.

Я сдёрнула с вешалки синюю рубашку в мелкую полоску — он надевал её на мой день рождения, всего две недели назад. Мы сидели в ресторане, пили красное вино, и он говорил тост: «За тебя, Ань. Ты у меня самая лучшая». Я поднесла ткань к лицу. От неё пахло его одеколоном, табаком, а ещё — чем-то сладковатым, цветочным, совершенно чужим.

Женские духи. Не мои.

Рубашка полетела на пол. Следом — пиджак, свитер, джинсы. Я выгребала его вещи охапками и швыряла в угол, не считая, не жалея, пока полка не опустела полностью. Пуговицы отскакивали и катились по паркету с тихим стуком, вешалки звенели, ударяясь друг о друга. Я задыхалась — не от усилий, от ярости.

А потом остановилась. Посмотрела на гору тряпок в углу, на пустую штангу с голыми плечиками, на весь этот разгром — и вдруг расхохоталась. Громко, в голос, запрокинув голову. Я стояла посреди спальни, в деловом костюме и туфлях, с чужой рубашкой в руке, и хохотала над абсурдностью происходящего. Одиннадцать лет брака — и вот она, материальная метафора: куча шмотья в углу и пустота в шкафу.

Отсмеявшись, я аккуратно сложила всё обратно. Не потому, что простила. Потому, что через три часа из школы вернётся Егор, и он не должен увидеть этот разгром. Ему пока хватит того, что отец утром вышел из дома с чемоданом. Я ещё не знала, как объяснить ему это, но знала точно: объяснять придётся. И скоро.

Я задвинула дверцы шкафа. Оглядела спальню — порядок. Никаких следов погрома. Никаких следов катастрофы.

Только внутри, под рёбрами, пульсировала тупая боль, которая не проходила ни на минуту с того самого момента, как я развернула квитанцию на парковке супермаркета.

В три часа я забрала Егора из школы. Он был весел — показывал поделку из пластилина, рассказывал про контрольную по математике, просил включить радио. Мы угадывали песни всю дорогу до дома, и я смеялась, когда он в очередной раз меня обыгрывал. Обычный вечер. Обычный сын. Обычная жизнь.

Только теперь я знала: ничего обычного больше нет. Есть декорация, которую я поддерживаю ради него.

Дома я сварила какао, усадила его за уроки, потом мы поужинали, потом он пошёл в душ, потом — спать. Перед сном он спросил только одно:

— Папа сегодня поздно придёт?

— Очень поздно, — сказала я. — Ты его уже не дождёшься.

Он кивнул, обнял меня и уснул.

Я посидела у его кровати ещё немного, глядя на его лицо — расслабленное, спокойное, детское. Он не знал. Пока не знал. И я оттягивала момент, когда придётся сказать ему правду, — не из трусости, а из желания сохранить ему ещё хотя бы день нормальной жизни.

Когда Егор уснул, я прошла в кабинет, включила ноутбук и открыла историю банковских операций по общему счёту — тому самому, который мы вели со дня свадьбы и куда капали мои зарплаты и его доходы от фирмы. Раньше я просматривала выписки мельком: коммуналка, ипотека, школа, продукты. Теперь я вглядывалась в каждую строчку так, будто от этого зависела моя жизнь. Потому что теперь от этого действительно зависела моя жизнь.

Двадцать пять тысяч в месяц — съём квартиры на Садовой. Это я уже знала. А дальше шли строки, которых я раньше не замечала. Крупные переводы на счёт риелторского агентства «Парковый» — три, четыре, пять раз за последние полгода. Общая сумма перевалила за миллион. Назначение платежа: «обеспечительный взнос», «бронирование», «комиссия агентства». Он покупал квартиру. Не снимал — покупал. Но для кого?

Я откинулась на спинку кресла и несколько минут просто смотрела в потолок. Миллион рублей. Наши общие деньги. Средства, которые мы откладывали на будущее, на образование Егору, на расширение бизнеса, на ту самую «подушку безопасности», о которой он так любил рассуждать за ужином. Он потратил их на квартиру. Но кому она предназначалась — Вере, чтобы перевезти её с ребёнком из съёмной двушки? Или кому-то ещё?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.